

СЕВЕРНАЯ РЫБАЛКА И ПЛОСКАЯ ОНТОЛОГИЯ МАНУЭЛЯ ДЕЛАНДЫ

С.В. Соколовский, Н.С. Гончаров, А.Г. Кузнецов, К.Я. Коткин, А.М. Сергеев, В.М. Воронов, В.В. Симонова

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Николай Сергеевич Гончаров | <https://orcid.org/0000-0003-0755-4877> | nikola.gon4arov@yandex.ru | к. и. н., научный сотрудник отдела этнографии Сибири | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Андрей Геннадиевич Кузнецов | <http://orcid.org/0000-0002-0249-5890> | andrey.kuznetsov.29@gmail.com | к. социол. н., научный сотрудник | Ереванский центр международного образования (YCIE) (ул. Чаренца 31/4, Ереван, 0003, Армения) | ассоциированный научный сотрудник Центра исследований наук и технологий (STS-Центр) | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Константин Яковлевич Коткин | <https://orcid.org/0000-0002-3281-3036> | kostyakotkin@rambler.ru | к. филос. н. | Мурманский арктический университет (ул. Капитана Егорова 15, Мурманск, 183038, Россия) | хранитель музейных предметов | Мурманский областной краеведческий музей (ул. Академика Павлова 1А, Мурманск, 183038, Россия) | ассоциированный научный сотрудник | Центр арктических и сибирских исследований Социологического института РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ул. 7-я Красноармейская 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия)

Андрей Михайлович Сергеев | <https://orcid.org/0000-0002-1553-4238> | asergeev8@yandex.ru | д. филос. н., ведущий научный сотрудник кафедры философии и социальных наук | Мурманский арктический университет (ул. Капитана Егорова 15, Мурманск, 183038, Россия) | профессор кафедры философской антропологии | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Василий Михайлович Воронов | <https://orcid.org/0000-0002-3109-3655> | voronov.mspu@rambler.ru | к. филос. н., старший научный сотрудник кафедры философии и социальных наук | Мурманский арктический университет (ул. Капитана Егорова 15, Мурманск, 183038, Россия)

Статья поступила 10.08.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 05.11.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Соколовский С.В., Гончаров Н.С., Кузнецов А.Г., Коткин К.Я., Сергеев А.М., Воронов В.М., Симонова В.В. Северная рыбалка и плоская онтология Мануэля Деланды // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 6. С. 175–199. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060092> EDN: VTDLSO
Sokolovskiy, S.V., N.S. Goncharov, A.G. Kuznetsov, K.Y. Kotkin, A.M. Sergeev, V.M. Voronov, and V.V. Simonova. 2024. Severnaia rybalka i ploskaia ontologiiia Manuelia Delanda [Northern Fishing and Manuel DeLanda's Flat Ontology]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 175–199. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060092> EDN: VTDLSO

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

Вероника Витальевна Симонова | <https://orcid.org/0000-0003-1167-7589> | v.simonova@socinst.ru | к. социол. н., PhD of Social Anthropology | Мурманский арктический университет (ул. Капитана Егорова 15, Мурманск, 183038, Россия) | руководитель Центра арктических и сибирских исследований | Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ул. 7-я Красноармейская 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия) | Академия наук Республики Саха (Якутия) (пр-т Ленина 33, Якутск, 677007, Россия) | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (ул. Союза Печатников 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия)

Ключевые слова

неформальное рыболовство, Мурманская область, ассамбляж, М. Деланда, солидарность, нормы, тихоокеанский лосось, горбуша, атлантический лосось, семга

Аннотация

В публикации представлено обсуждение статьи “Элементы сборки северной неформальной рыбалки: солидарность, нормы, горбуша, семга”, в которой авторы (К.Я. Коткин, А.М. Сергеев, В.М. Воронов, В.В. Симонова) анализируют неформальное рыболовство в Мурманской области посредством обращения к концепции М. Деланды, связанной с понятием горизонтальной онтологии как альтернативы традиционным вертикальным построениям, отстаивающим иерархическое понимание мира и исключительность человека. По мнению авторов обсуждаемой статьи, горизонтальная онтология М. Деланды дает возможность рассматривать разнородные компоненты рыбалки в двух взаимозависимых осях (“материальное—экспрессивное” и “синтетическое—вариативное”), которые позволяют проанализировать проблему отсутствия позитивного отношения к обилию горбуши, являющейся одной из наиболее существенных материальных составляющих ассамбляжа неформальной рыбалки Мурманской области. В обсуждении представлены критические комментарии: “Научная мода как концептуальный бриколаж” (С.В. Соколовский), “О рыбе и ассамбляжах в Мурманской области” (Н.С. Гончаров), «Деланда “съедает” горбушу: похищение антропологии якобы “новой” социальной онтологией» (А.Г. Кузнецов), а также реплика-ответ авторов дискутируемой статьи (“Фигуры и фон, или о логике роста рецензий”).

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-28-20435] (исполнители: К.Я. Коткин, А.М. Сергеев, В.М. Воронов, В.В. Симонова); ГЗ МАЭ РАН (исполнитель Н.С. Гончаров)

НАУЧНАЯ МОДА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БРИКОЛАЖ

С.В. Соколовский

Выскажу мнение: публикация статьи “Элементы сборки северной неформальной рыбалки: солидарность, нормы, горбуша, семга” на страницах “Этнографического обозрения” объясняется главным образом наличием в ней полевых материалов, а не предложенной авторами теоретической рамкой, выбор и интерпретация которой даже после прочтения нескольких версий статьи (как член редколлегии я ознакомился со всеми ее вариантами, а также с репликами участников дискуссии и ответами авторов) по-прежнему вызывает у меня недоумение. Я отдал свой голос за публикацию статьи лишь потому, что полемика на уровне рецензирования явно вышла за рамки жанра внутренней рецензии, а вопросы, вызываемые позицией авторов в отношении избранного ими аналитического инструментария, так и не были решены. Я по-прежнему не

убежден, что избыточное повторение понятий “ассамбляж”, “экспрессивность” или “территориализация” и используемый в статье концептуальный аппарат позволяют получить что-то сверх того, что могли бы дать традиционные подходы¹.

Для начала обозначу два вызвавших у меня недоумение вопроса. Почему для интерпретации собранных авторами полевых материалов избрана именно концепция Мануэля Деланды? И почему это сделано с упором именно на его книгу о социальной онтологии (*DeLanda* 2006; *Деланда* 2018), если говорить о таких сторонах концепции, как плоская онтология и теория ассамбляжей, а не, например, на более подходящую для этой цели, но упоминаемую лишь вскользь его же более позднюю книгу об ассамбляже (*DeLanda* 2016)? Действительно, этому американскому философу мексиканского происхождения приписывают авторство термина “плоская онтология” (*DeLanda* 2002), однако речь идет именно о *термине*. Содержание соответствующего *понятия* М. Деланда заимствует у Ж. Делёза и Ф. Гваттари, весьма близкий ему концепт “сращение” — у А.Н. Уайтхеда, а концепт “акторная сеть” — у Б. Латура, М. Каллона, Дж. Ло и их коллег. К тому же, в отличие от концепции Деланды, эти концепты, многократно апробированные на практике социологами и антропологами и широко используемые для описания взаимодействий людей, живых существ, абиотических объектов (артефактов, инфраструктур, ландшафтов и т.д.) и нематериальных (идеологий, мифологий, дискурсов, нарративов) “индивидов” или сингулярностей², рассматриваются непредвзятыми исследователями как более гибкие и лучше подходящие для описания гетерогенных сборок, нежели “новая теория общества” Деланды, населенная популяциями индивидов, организаций, наций и государств, в которой остается мало места для прочих живых существ, не говоря уже о неживых материальных объектах (ср., напр.: *Shaviro* 2007). Жаль также, что авторы опираются на перевод книги Деланды, а не на ее оригинал, поскольку выбор некоторых основных терминов в этом переводе нельзя признать удачным³.

Возможно, в силу последнего обстоятельства авторы так легко расправились с замечанием одного из рецензентов об игнорировании содержательной критики в адрес концепции Деланды. В дополненной версии статьи они по существу пренебрегают этой критикой (не обнаруживая, впрочем, знакомства с книгой А. Волфендейла, на которую они все же ссылаются, поскольку она упомянута рецензентом), объясняя свое отношение недостатками «традиционных аргументов “философий доступа”», иными словами, упрекая критиков в недостаточном понимании антикорреляционистской позиции Деланды (они подкрепляют свое утверждение ссылкой на статью Г. Хармана, якобы уличившего Б. Латура в корреляционизме, стало быть, и в отходе от реалистской позиции, характеризующей работы М. Деланды).

Такой ответ авторов на эту критику, адресованный аудитории журнала, состоящей по преимуществу из антропологов, возможно, не имеющих представления о «традиционных аргументах “философий доступа”» и не знакомых с критикой в адрес позиции Деланды и работами, рассматривающими проблему корреляционизма, говорит о выборе ими пусть распространенной и эффективной, но не вполне корректной стратегии⁴. В этом контексте ссылка авторов (в ответе рецензенту) на статью Г. Хармана тоже не слишком корректна: Г. Харман, не обвиняя напрямую Б. Латура в корреляционизме и антиреализме, оставляет возможность для интерпретации своих высказываний как “за”, так и “против” такого диагноза. Кроме того, Г. Харман очевидно ошибается, утверждая, что, в отличие от М. Деланды, Б. Латур не связывал себя с позицией реалиста: его книга “Надежда Пандоры” открывается главой с симптоматичным названием “Верите ли

Вы в реальность?”. На этот вопрос, адресованный одним из ученых-психологов Б. Латуру, он не только ответил утвердительно, но и пространно прокомментировал свой ответ. Г. Харман признает также, что работы Б. Латура содержат необходимые ресурсы для некорреляционистской трактовки его позиции (Харман 2017: 24). О том, что Г. Харман подозревает Б. Латура в корреляционизме, свидетельствует лишь приведенный им (Харманом) анекдот:

В феврале 2007 года в парижской квартире Латура состоялась вечеринка в честь Мейясу, где молодого философа встретили плакатом “Добро пожаловать в корреляционистский дом!” (*Bienvenue à cette maison corrélationiste!*). Хотя это и было доброй шуткой, невозможно представить себе Деланду, проделывающего такие же трюки; невозможно вообразить его даже заигрывающим с идеей, что он мог бы быть корреляционистом (Там же)⁵.

Впрочем, квалификация концепций Б. Латура в данном отношении — тема для отдельной дискуссии.

В обсуждаемой здесь статье удивило также то обстоятельство, что она не содержит внятного обоснования того, почему авторы остановились именно на этой концепции из всего круга конкурирующих объектно-ориентированных подходов — если не считать краткого сопоставления концептуализаций Б. Латура и его коллег с подходом М. Деланды, где выбор в пользу последнего объясняется включением “в аналитическую модель нечеловеческих элементов”, как если бы подход Деланды действительно отличался от других подходов в рамках онтологического поворота именно этим аспектом. Добавлю, что в отличие от спекулятивного реализма Деланды, все примеры которого за исключением ссылок на конкретные исследования других ученых (напр., Э. Гофмана, Э. Гидденса, П. Бурдьё или Ч. Тилли) остаются чисто спекулятивными, концепции Б. Латура, Дж. Ло, М. Каллона и А. Мол реализуются на материалах их собственной полевой работы и обычно сопровождаются подробным анализом конкретных кейсов. В защиту своего выбора авторы статьи в ответе рецензенту приводят странный аргумент: М. Деланда адаптирует Ж. Делёза к социальной теории, он “удобен”, т.к. ЭО не философский журнал. ЭО действительно не является журналом для философов, но на его страницах, как, впрочем, и на страницах других антропологических журналов и российских, и зарубежных, неоднократно анализировались концепции Б. Латура и его коллег, а также ряда представителей спекулятивного и агентивного реализмов, материальной семиотики и объектно-ориентированных подходов, главным образом благодаря тому, что многие из этих философов сами обращались к проблемам, живо обсуждающимся в антропологии и социологии (библиография таких работ в антропологических журналах столь обширна, что нет смысла приводить ее здесь, достаточно свериться со списками публикаций лидеров каждого из перечисленных направлений).

Остались открытыми также вполне конкретные вопросы: сколько сборок, или ассамбляжей, попало в поле зрения авторов статьи? каковы границы таких сборок и формы взаимодействий между ними? Представленные полевые материалы дают основания говорить по меньшей мере о двух основных сборках, попавших в фокус рассмотрения авторов и концентрирующихся: 1) вокруг семги и 2) вокруг горбуши; в пользу этого говорит и то обстоятельство, что региональные власти на законодательном и административном уровнях пытаются развести места отлова этих видов рыб и контролировать лов в тех реках, в которых семга

идет на нерест. Лежащие в основании таких решений логика охраны природных ресурсов (семга) и логика экологического дискурса в отношении интродуцированных видов (горбуша) в статье практически не рассматриваются⁶. Между тем именно фактор наличия этих двух логик определяет конфигурации акторных сетей, или ассамблежей, стабилизаторами которых выступают горбуша и семга.

Жанр статьи, в котором интерпретация полевых материалов “украшается” модной терминологией, к сожалению, весьма характерен для работ и российских антропологов, и наших зарубежных коллег. Я не противник экспериментального использования понятийного аппарата, заимствованного из соседних дисциплин, для обновления неизбежно устаревающих, хотя и прочно усвоенных традиционных концепций или для их пересмотра. Меня беспокоит скорее манера усвоения нового, сводящаяся к концептуальному бриколажу, при котором форма начинает заслонять и подавлять содержание. Около десяти лет назад при обсуждении поворота к материальности в социальных науках В. Вахштайн* назвал такую стратегию “нулевым поворотом к материальности” (ПкМ-0), или просто сменой доминирующей риторики: “в исследованиях ПкМ-0 постоянно упоминаемые материальные объекты имеют характер предикатов или атрибутов чего-то иного — чаще всего, социальных практик — того, что и выступает подлинным предметом исследования... только практики теперь описываются как до отказа забытые материальностью⁷”. Для историка науки и социолога знания обращение к бриколажу является симптомом не столько активного экспериментирования и поиска, сколько незрелости той области исследований, где его используют. Призыв к более ответственному отношению к понятийным и терминологическим инновациям — это, разумеется, призыв нормативный, однако научные дисциплины могут оставаться научными и дисциплинами в прямом смысле этих понятий лишь при соблюдении такой нормативности. Одним из критериев такого рода ответственности является прирост знания. Понятийные инструментариумы спекулятивного реализма и объектно-ориентированных онтологий предоставляют много степеней свободы для поиска ответов на проблемы, возникающие в связи с ростом знания и усложнением мира, и как эвристические средства весьма востребованы в социальных науках и гуманитарных дисциплинах. Однако всякая эвристика должна демонстрировать свою эффективность. Пока же предложенный авторами статьи вывод о том, что изобилие горбуши оценивается местным населением по большей части негативно, потому что за семгой стоят сила традиции и связи с идентичностью местных рыбаков, воспринимается как результат, который мог быть получен и с использованием вполне традиционной этнографии, что свидетельствует скорее об избыточности и ненужности примененной теоретической рамки, нежели о ее эффективности и пользе.

Примечания

¹ Последнюю авторы почему-то связывают с территориями и локальностями (что следует, например, из их рассуждения: “...пространственный ракурс Северов отсылает к материальности и территориализации в концепции М. Деланды. Севера раскрывают различные формы собранности разных ассамблежей рыбалки (“неформальных практик”) на одной или на нескольких территориях”), а не со стабилизацией ассамблежа и его идентичностью, как это диктуется содержанием этого понятия у Деланды, заимствованного им у Делёза и Гваттари и связанного не столько с евклидовой пространственностью, сколько с топологией ассамблежа.

* Внесен Минюстом РФ в список СМИ-иноагентов 22.04.2022.

² Последний термин со ссылкой на Делёза и Гваттари использует как синоним ассамбляжа и Деланда при разъяснении своей концепции ассамбляжа (ср.: *DeLanda* 2002: 14–20, 2006: 28, 2016: 78).

³ Приведу всего один, но важный пример: перевод термина *entities* на русский язык термином “сущности” (не позволяющим отличать его от другого англ. эквивалента сущностей — *essences*), хотя и оговаривается, но этот выбор неизбежно искажает понимание плоской онтологии, поскольку ассоциируется с парами “форма и сущность” или “случайное и существенное”. Было бы точнее передавать это понятие как “онтологическая единица”, “единичность” или “сингулярность” (термин “индивид” также подошел бы в отдельных контекстах употребления *entity*, однако из-за его коннотации неделимости оказывается менее предпочтительным).

⁴ В этой связи стоит заметить, что не только философам, но также социологам и антропологам из числа тех, кто интересуется литературой по так наз. материальному повороту и не-антропоцентристской антропологии, приходится следить за дебатами между спекулятивными реалистами и представителями философского мейнстрима. Я, как один из таких антропологов, готов пояснить, что термин *корреляционизм* (его автором является фр. философ Квентин Мейясу [*Meillassoux* 2006]), обозначает позицию доминирующей посткантианской философии, в соответствии с которой доступ к реальности дан всегда только в контексте связи сознания субъекта и реальности, иными словами, познание независимой от мышления реальности становится в этой перспективе невозможным (Мейясу также различает *слабый* — например у Канта, и *сильный* — например у Хайдеггера и его последователей, корреляционизм).

⁵ Мне представляется здесь, что Хармана подводит языковое чутье — корреляционистский дом все же не одно и то же, что дом корреляциониста, и шутка заключается как раз в том, что само бытие дома (не архитектурного сооружения или здания, а именно дома как жилища или обиталища) действительно неразрывно связано с субъектом в нем проживающим и ощущающим такое сооружение в качестве “родного гнезда”, т.е. всегда дано именно в качестве коррелята, неразрывно связывающего именно сознание конкретного субъекта с конкретной единицей или объектом реальности.

⁶ Есть лишь три ссылки на работы биологов — С.М. Калюжина, А.А. Лоенко с соавторами и Э.Л. Бакштанского. У Э.Л. Бакштанского речь идет о неудавшихся интродукциях кеты и горбуши из южной части ее дальневосточного ареала в беломорский бассейн в 1960-х годах. Успешная интродукция и акклиматизация горбуши состоялась лишь в середине 1980-х годов после завоза “магаданской” икры на рыбозаводы Мурманской обл. (*Бакштанский* 1970; *Лоенко и др.* 2000; *Зубченко и др.* 2022). Дискуссии относительно конкуренции интродуцированной горбуши и индигенной семги пока не привели к окончательным выводам, однако известно, что ход горбуши на нерест задерживает по срокам ход летней тинды (небольшой семги) (*Лоенко и др.* 2000), что, в свою очередь, может негативно сказаться на созревании ее икры и выклеве малька в естественных условиях, вне рыбозаводов. Сложность взаимодействия ключевых видов, трофических цепей и меняющихся абиотических факторов (включая изменения климата) такова, что современные экологические модели, основанные на теории ниш, пока не в состоянии прогнозировать все последствия взаимодействия видов-интродуцентов с местными видами (*Матишов* 2000; *Горелов* 2000; *Зубченко и др.* 2022).

⁷ См.: *Вахштайн В.* Три “поворота к материальному” // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 22–37. (Автор внесен Минюстом РФ в список СМИ-иноагентов 22.04.2022.)

О РЫБЕ И АССАМБЛЯЖАХ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.С. Гончаров

А вторы статьи применяют теорию ассамбляжей М. Деланды к неформальному рыболовству на Кольском полуострове Мурманской области. Концепт ассамбляжа пользуется популярностью в социальных исследованиях благодаря своей возможности объединять разнородные и контрастные явления, что способствует нахождению ответов на нестандартные вопросы и разрешению парадоксов (*Yates-Doerr* 2015; *Цзин* 2017; *Беннет* 2018). Именно парадокс, обна-

руженный в процессе полевых наблюдений, и привел К.Я. Коткина и соавторов к написанию рассматриваемой публикации. Ее основная цель — анализ проблемы, заключающейся в отсутствии среди рыбаков региона позитивного отношения к горбуше, несмотря на обилие этой рыбы в локальных водоемах.

Применение концептуального аппарата теории ассамбляжей в статье избирательно, а смысл используемых терминов в некоторых случаях отличается от смысла понятий, заложенных в теоретических положениях философа М. Деланды (*DeLanda* 2016; *Деланда* 2018). Например, для характеристики ассамбляжей авторы используют две оси оппозиций: “материальное—экспрессивное” и “синтетическое—вариативное”, нивелируя оси “территоризация—детерриторизация” и “кодирование—декодирование”, которые выделяет М. Деланда (*Деланда* 2018: 21, 25). К сожалению, причина такого подхода прояснена не в полной мере. Утверждается, что «ось “синтетическое—вариативное” четко не эксплицирована Деландой, но выстраивается самой его логикой анализа ассамбляжа, необходимостью его “стабилизации”». С моей точки зрения, этого недостаточно, чтобы обосновать введение указанной оси и снять возникающие противоречия. Судя по тексту статьи, “вариативным” является то, что дестабилизирует ассамбляж в противовес стабилизирующим процессам синтеза. Однако, по М. Деланде, вариативность связана не только с дестабилизацией. Вариативные процессы выступают как стабилизирующими (территоризация), так и дестабилизирующими (детерриторизация) факторами ассамбляжа (*Деланда* 2018: 21). Следовательно, философ не противопоставляет “синтетическое и переменное”, подобно К.Я. Коткину и соавторам, поэтому утверждение о том, что данная ось выстраивается логикой анализа М. Деланды, дискуссионно.

Две оси, оставшиеся вне поля зрения, обладают ценным эвристическим потенциалом в контексте статьи и позволяют детализировать ответ на вопрос о том, “способно ли материальное... выполняющее вариативную роль в ассамбляже, быть также и синтезирующим элементом”¹. Авторы пишут о том, что обилие горбуши, привлекая рыбаков в регион, выполняет синтетическую (т.е. стабилизирующую) роль. Напротив, если отталкиваться от М. Деланды, этот процесс представляет собой детерриторизацию, поскольку приводит к появлению в Мурманской области новых людей и иных акторов, увеличивая гетерогенность ассамбляжа и оказывая на него дестабилизирующее влияние (*Деланда* 2018: 23). Кроме того, одновременно в ассамбляже могут происходить разнонаправленные процессы, один компонент способен участвовать в стабилизации и дестабилизации (Там же: 21), проявляя аспекты нелинейной причинности, о которой подробнее я скажу ниже, а пока вернусь к осям.

Если обратить внимание на экспрессивное измерение рыбы и разложить его по параметрам “территоризация—детерриторизация” и “кодирование—декодирование”, то обнаружится, что символы и нарративы, связанные с горбушей, приводят к детерриторизации, внося неоднородность в локальное символическое и дискурсивное пространство. Однако на уровне “кодирования—декодирования” горбуша приводит не только к дестабилизации ассамбляжа через негативное восприятие, но и кодирует—стабилизирует ассамбляж, консолидируя жителей региона посредством разделяемого негативного отношения к рыбе. В связи с этим замена осей “территоризация—детерриторизация” и “кодирование—декодирование” на “синтетическое—вариативное” приводит к отклонениям от теории М. Деланды, а также лишает исследование аналитических инструментов для конкретизации важных деталей рассматриваемого парадокса.

В статье не актуализированы многие понятия и концепты М. Деланды. Как отмечают авторы, “[п]оскольку круг проблем определен, нет необходимости заниматься всеми элементами ассамбляжа (так зачастую поступает и сам Деланда)”. С одной стороны, трудно не согласиться с этим высказыванием, поскольку философская система М. Деланды обширна и ее полновесное использование, конечно, потребовало бы гораздо большего объема, чем размер статьи. С другой стороны, авторы не используют те понятия, которые могли бы оказаться весьма продуктивными в рамках исследуемой проблематики. В первую очередь это касается концепта причинности. Несмотря на то что Г. Харман критикует М. Деланду за лакуны в теории причинности (Харман 2017: 29), все же эта концептуальная область занимает важное место в теории ассамбляжей и детально проработана философом.

Авторы статьи несколько раз пишут о “нелинейности ассамбляжей”, однако они не углубляются в структуру причинности, предложенную М. Деландой. Парадоксальность ситуации, которая привлекла авторов, — “неудовлетворенность обилием” — находится в логике линейной причинности, и для ее раскрытия представляется актуальным использовать инструментарий нелинейной причинности, в частности катализ, предполагающий, что различные причины могут вызывать одно следствие, а одна причина — разные (Деланда 2018: 31). Именно процесс того, как одна причина (рыба) приводит к разным следствиям, отражают эмпирические материалы К.Я. Коткина и соавторов. Для анализа нелинейности описанных сюжетов также релевантны “мотивы” и “побуждения к действиям” в интерпретации М. Деланды (Там же: 33). Они позволяют увидеть дополнительные грани, отличающие ассамбляжи промысла семги и горбуши: первый может быть рассмотрен через побуждения, представленные традиционными ценностями сообществ; второй — через мотивы, которые являются особого рода побуждениями, включающими эксплицитно принятые решения и цели (Там же).

Статья заставила меня задуматься над проблемой универсальности дифференцированного отношения к привычным и интродуцированным видам животных со стороны локальных сообществ. Проводя полевые исследования в с. Русское Устье Аллаиховского района Якутии (2019 г.), я наблюдал похожую дихотомию, которая, впрочем, отличалась некоторыми особенностями. Рыболовство в Русском Устье является основным видом экономической деятельности. На одном полюсе у местных рыбаков находятся такие рыбы, как чир, омуль, нельма, сиг, муксун, на другом — кета. По словам информантов, кета появилась в р. Индигирке (главной водной артерии района) на рубеже XX–XXI вв. в результате ее интродукции для поддержания биоразнообразия региона. Неоднократно я слышал из уст рыбаков нелестные высказывания в сторону кеты. Она подвергалась критике как “грязная” рыба с большим количеством паразитов, а ее мясо оценивалось как невкусное. Отличие от материала из Мурманской области заключается в разном экономическом значении интродуцента: если на Кольском полуострове горбуша играет важную роль в качестве актора экономических отношений, то в Русском Устье кета не входит в перечень рыбы, принимаемой у промысловиков местным производственным кооперативом. Следовательно, включению кеты в ассамбляж рыболовства препятствует формально-институциональный (и, как следствие, экономический) фактор. По той же причине рыбаки негодуют, когда кета запутывает сети, поставленные на промысловые виды рыбы, поскольку это влияет на объем добычи ценных сортов. Кроме того, ситуация в Аллаиховском районе отличается от примеров К.Я. Коткина и соавторов темпоральностью взаимодействия людей и рыбы. Как

я упоминал, кета появилась в Аллаиховском районе около 25 лет назад, поэтому кажется понятным (к тому же принимая во внимание формальные причины) ее негативное восприятие промысловиками. Однако отсутствие позитивного отношения к горбуше на Кольском полуострове после 70 лет, прошедших с момента интродукции, действительно, удивляет. С середины прошлого века сменилось уже не одно поколение рыбаков, для которых горбуша в водоемах должна была стать таким же привычным компонентом, как и семга, но тем не менее распределение рыбы в дихотомии привычного—непривычного сохраняется.

Вывод авторов о том, что «отсутствие позитивного восприятия горбуши при ее обилии может быть объяснено “покушением” на позиции семги — рыбы, прочно связанной с местом и историей» и что «эта связь не может быть заменена только за счет количественного превалирования “дальневосточной гостыи”». Горбуша должна включать и экспрессивные элементы, что, возможно, позволит ей стать синтезирующим элементом ассамбляжа северной рыбалки», представляется совершенно справедливым. Однако это заключение привело меня к вопросу о том, могут ли описанные совокупности людей, практик, объектов, нарративов и иных компонентов, складывающиеся как вокруг семги, так и вокруг горбуши, в равной степени быть названы ассамбляжами? На протяжении статьи авторы неоднократно подчеркивают вплетенность семги в историю и пространство населения Мурманской области, а также акцентируют инаковость горбуши. Примеры с последней, действительно, демонстрируют ее экстериорность, которая является непременным атрибутом ассамбляжа (Деланда 2018: 20–21). Вместе с тем контексты, в которых фигурирует семга, с моей точки зрения, отражают другую форму сборки, которая не может быть идентифицирована как ассамбляж, в первую очередь потому, что в этих контекстах наблюдаются не только и не столько отношения экстериорности, сколько связи иного характера, для которых в большей степени подходит концепт “собрание” (*gathering*) Т. Ингольда (Ingold 2022: 257).

Объясняя свое отношение к теории ассамбляжей, Т. Ингольд вопрошает, обращаясь к читателю: “что значит соединять вещи (*join things*)?” (Ibid.: 256). Он приводит два возможных ответа на поставленный вопрос. Оба основаны на французском термине, введенном в философский дискурс А. Бергсоном и развитом Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, из книг которых он перекочевал в социальные исследования, — *agencement* (Ibid.: 259). В трудах англоязычных исследователей этот термин превратился в *assemblage*². Слово “ассамбляж” присутствует и во французском языке, но Ж. Делёз и Ф. Гваттари использовали не его, а *agencement* (Ibid.: 259–261). Т. Ингольд утверждает, что данный языковой переход должен быть рассмотрен критически, поскольку за ним скрываются серьезные концептуальные выводы.

Т. Ингольд видит в *agencement* две стороны одной медали: ассамбляж и то, что антрополог назвал “собранием” (*gathering*). Как пишет автор, в “мире бытия” (*world of being*) вещи уже выпали из процессов своего формирования и соединяются с другими объектами в качестве дискретных частей. Соединения между ними (“артикуляции”) являются контингентными и формируют ассамбляжи. Однако в “мире становления” (*world of becoming*) фокус смещается на процессы формирования материи (*material formation*) и на то, каким образом они сосуществуют. При этом взаимодействие реализуется через тип связи, названный Т. Ингольдом *correspondence*. То, что возникает в данном случае, является “собранием” (*gathering*). Следовательно, артикуляция относится к *correspondence* так же, как ассамбляж к собранию (Ibid.: 257). Т. Ингольд пишет о том, что концепт ассамбляжа

фокусирует внимание на элементах сборки, упуская ее важнейшую характеристику: вне досягаемости остается работа по добавлению элементов (*work of addition*), осуществляемая как людьми, так и материальными компонентами. Это упущение приводит к иллюзии, будто целостность является суммой компонентов, однако суммирование здесь представляет собой не арифметическую операцию, а сложное взаимодействие между различными компонентами формирующегося собрания. Исследователь подчеркивает, что операции по добавлению элементов нельзя рассматривать дискретно, подобно самим элементам. Они больше похожи на сходящиеся и расходящиеся пряди непрерывной косы (Ibid.). Если отношения между частями ассамбляжа основаны на экстернорных свойствах объектов, как утверждают Ж. Делёз, Ф. Гваттари (*Deleuze, Guattari* 1994), М. Деланда (*DeLanda* 2006: 18–19) и их последователи, то в собраниях связь между частями осуществляется изнутри целостности. Более того, поскольку в собраниях нет готовых элементов, процесс их формирования протекает путем “интерстициальной”³ дифференциации” (*interstitial differentiation*) в рамках совместного становления с множеством иных формируемых, а не сформированных сущностей (*Ingold* 2022: 267).

М. Деланда деконструирует в ассамбляжах онтологическую зависимость части и целого (*DeLanda* 2016: 12; *Шевченко* 2020: 147–150), однако описанные примеры семужного рыболовства в Мурманской области говорят о наличии этой связи, поскольку семга выступает ресурсом поддержания общественных отношений, выражает устойчивые паттерны взаимодействия людей со средой и связывает население с прошлым и будущим. Жители Аллаиховского района также неоднократно подчеркивали свою тесную связь с рыбными ресурсами, помимо базовых утилитарных функций выполняющими важнейшую роль в самоидентификации людей (*Гончаров* 2020). Авторы на протяжении текста имплицитно доказывают, что комплекс семужного рыболовства не является ассамбляжем в контексте теории М. Деланда, о чем свидетельствуют как утверждения о “взаимообусловленности” элементов сборки рыбалки, так и глубокая вплетенность семги в социальное пространство региона, что противоречит экстернорности ассамбляжа.

Еще один аргумент, снижающий эвристическую способность теории ассамбляжей в статье, определяется ролью фактора субъективности в анализируемых процессах. Теория М. Деланды “реалистична”, она призвана исследовать “социальные сущности”, которые не зависят от концепций о них (*Деланда* 2018: 7). Однако постановка проблемы статьи свидетельствует о том, что авторов интересует не независимая от сознания или концепций реальность, а реальность субъективная. В ней наделение явлений качествами и способностями происходит не из позиции объективно анализирующего философа (что характерно для М. Деланды), а выкристаллизовывается в опыте конкретного человека и/или сообщества. Как пишет И.В. Красавин, «субъективность оказывается трансцендентальным условием объективности... поэтому любая “объективная” онтология не перестанет быть симуляцией» (*Красавин* 2019: 152). Эмпирический материал, привнося субъективный фактор в набор исследуемых сущностей, деформирует теорию ассамбляжей, снижая ее объяснительную способность и достаточность, лишая ее статуса единственно возможной онтологии. Эта теория — только один из способов рассмотрения действительности (если говорить эпистемологически) или только один из аспектов действительности (если говорить онтологически). Как показала статья К.Я. Коткина и соавторов, теория ассамбляжей при столкновении с эмпирикой может испытывать потребность в трансформации, направленной либо

на концептуальное дополнение, либо на усечение неактуальных, с точки зрения исследователя, понятий и следствий, что делают авторы статьи. Возможен и третий вариант, который предполагает редуцированное использование концептов М. Деланды и в то же время привнесение иных идей, дополняющих и преобразующих теоретическую конструкцию философа. Другими словами, саму теорию ассамбляжей можно рассматривать в качестве ассамбляжа, части которого не являются “логически необходимыми” и могут быть отделены и помещены в другой ассамбляж, с иными формами взаимодействия (Деланда 2018: 20).

Примечания

¹ Вариативное = дестабилизирующее в данном контексте.

² Об этих лингвистических переходах пишут И.В. Красавин (Красавин 2019: 138), редакторы и/или переводчик М. Деланды на русский язык (Деланда 2018: 9), однако они не уделяют внимания концептуальным последствиям данных разночтений.

³ Здесь эпитет “интерстициальный” может трактоваться как “относящийся к пространству между частицами неконсолидированного материала”.

ДЕЛАНДА “СЪЕДАЕТ” ГОРБУШУ: ПОХИЩЕНИЕ АНТРОПОЛОГИИ ЯКОБЫ “НОВОЙ” СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИЕЙ

А.Г. Кузнецов

Авторы обсуждаемой статьи собрали интересный эмпирический материал. На его основании можно выдвинуть аргумент в пользу развития антропологии, которая действительно не разделяет социальное и материальное, культурное и природное, технологическое и экологическое, которая не ютится в социальной структуре сообществ, а изучает содержание элементов (вне зависимости от их природы), важных для коллективной жизни сообществ. Статья также пытается импортировать в российскую антропологию новый теоретический ресурс — теорию ассамбляжей или сборок М. Деланды (далее — ТА). Эта попытка могла бы способствовать обновлению дисциплины и связать ее с международными дискуссиями не только в антропологии, но и в других социальных и гуманитарных науках.

Хотя, на мой взгляд, попытка не удалась, она дает нам повод для коллективного научения и междисциплинарной методологической рефлексии. Благодаря открытости и щедрости редакции ЭО у меня есть возможность обсудить ряд проблем данного исследования, которые, однако, не уникальны и регулярно встречаются мне в процессе рецензирования статей в российских (и не только) журналах. Я вынесу за скобки то, что авторам не удалось в работе внятно поставить исследовательскую проблему и, следовательно, мотивировать необходимость использования ТА, и сосредоточусь на обсуждении проблем адаптации теории к данному кейсу.

Понятие ассамбляжа не работает. Авторы используют выражение “ассамбляж (неформальной) рыбалки”. Что меняется, когда к слову “рыбалка” мы добавляем слово “ассамбляж”? Какова “прибавочная стоимость” этой операции? Почему бы не сказать просто “рыбалка”? Социальные исследователи должны задавать себе эти вопросы в отношении значимых терминов, используемых в тексте, и отвечать на них, чтобы убедиться, что действительно оперируют понятиями с различительной ценностью, а не просто (модными) словами.

К сожалению, в этой работе “ассамбляж” — это просто слово, а не аналитическое понятие. Почему? Потому что авторы не оперируют различием ассамбляж—тотальность, которое только и придает значение этому понятию в ТА. Со времен Ф. де Соссюра мы знаем, что значения в языке производятся посредством различений, дифференций, контрастов. ТА противостоит теориям органических тотальностей, где части целого связаны отношениями интериорности, т.е.

части-компоненты конституируются отношениями с другими частями в этом целом. Отделенная от целого часть перестает быть собой, так как быть частью [целого] — это одно из конституирующих ее свойств... [Б]ез отношений интериорности целое не может обладать эмерджентными свойствами, становясь простым агрегатом свойств входящих в него компонентов (Деланда 2018: 18).

По М. Деланде, в концепции органических тотальностей “части сливаются в бесшовную сеть”, что не позволяет анализировать целое и при этом признавать за ним эмерджентные свойства и изучать механизмы эмерджентности (Там же: 19). Альтернатива — ТА, оспаривающая саму идею интериорности. Ассамбляж — целое, где части связаны отношениями экстериорности, которые подразумевают, что “часть ассамбляжа может быть отделена и помещена в другой ассамбляж, с иными формами взаимодействия... экстериорность отношений предполагает определенную автономию связанных этими отношениями членов” (Там же: 20).

Чтобы оперировать различием тотальность—ассамбляж и продемонстрировать изменения в исследованиях неформальной экономики с импортом ТА, авторам нужно было сначала описать рыбалку как тотальность, а затем как ассамбляж и показать, что разница между описаниями значима для понимания феномена. Простейший способ это сделать — уподобить теории органических тотальностей какому-то из уже имеющихся подходов к неформальной экономике. Сам М. Деланда дает подсказку, критикуя Э. Гидденса, который понимает практику как «поток действия, которое “не является совокупностью или последовательностью отдельных — обособленных или разрозненных — намерений, причин и мотивов”». Конечным результатом этого является бесшовное целое, в котором деятельность и структура диалектически взаимно конституируют друг друга» (Там же: 19). Следуя этой подсказке, неформальную рыбалку сначала нужно было описать как практику, а затем противопоставить этому ее описание как ассамбляжа. В результате в статье образовалось бы напряжение между практиками и ассамбляжами, как двумя способами описывать социальные целостности. К этому авторы могли бы прийти, если бы полностью доверяли ТА и консистентно следовали за ней.

Но этот ход подразумевает риск — пойти против популярного в социальных науках аналитического словаря практик. Статья могла бы оказаться под шквалом критики со стороны сторонников “практик”, но это было бы интересным тестом аналитической ценности “ассамбляжей”. Авторы на риск не идут. Очевидно, не в последнюю очередь потому, что считают “практики” и “ассамбляжи” синонимами, что видно в этом фрагменте: “Северá раскрывают различные формы собранности разных *ассамбляжей* рыбалки (*“неформальных практик”*) на одной или нескольких территориях” (курсив мой. — А.К.). Однако в отсутствие риска следовать за М. Деландой до конца (даже вразрез устоявшемуся здравому смыслу дисциплины и собственным прежним убеждениям) мы, увы, вынуждены обсуждать то, что понятие ассамбляжа в тексте не работает.

Критический потенциал “ассамбляжа” в эмпирическом исследовании сомнителен.

Но допустим, что авторы (как и я) посчитали атаку М. Деланды на теорию практик откровенно нелепой и принялись бы искать другого претендента на место “мальчика для битья”. И тут мы легко можем представить себе их трудности. М. Деланда претендует на решение сугубо философских, а не эмпирических проблем. Для этих целей оппозиция тотальности—ассамбляжи, может быть, и сгодится, но какова ее ценность в эмпирическом исследовании? Как социолог, могу сказать, что в современных социологических исследованиях трудно найти подход, который мыслит бы социальные сущности как органические тотальности, который исходил бы из того, что, образуя группы, индивиды сливаются в какое-то “бесшовное целое”, целиком и полностью принадлежат социальным группам, не обладают относительной автономией, гетерогенностью и собственной идентичностью. Социологи уже давно понимают социальные целостности как ассамбляжи, хотя и не используют этот термин. Следовательно, оппозиция тотальность—ассамбляж утратила свой критический потенциал, нужны ресурсы, позволяющие различать ассамбляжи между собой. Читатели-антропологи могут самостоятельно ответить на вопрос: разве антропология давным-давно не отбросила идею культуры как органической тотальности? Так что, даже если на уровне философской дискуссии понятие ассамбляжа и обладает критическим потенциалом, это не значит, что оно обладает различной способностью и новизной на уровне эмпирического исследования.

Другой аспект этой проблемы состоит в том, что ассамбляжем может быть буквально все что угодно. Ж. Делёз ввел это понятие, прежде всего чтобы понять коэволюцию гетерогенных экологических ансамблей (канонический пример симбиоза осы и орхидеи), а не относительно гомогенные сущности типа биологических видов (Деланда 2018: 20–21). М. Деланда стирает эту грань, и теперь в качестве ассамбляжа можно представить сообщество, удочку, рыбака, горбушу, стол, стул, этот текст и т.д. У одних исследователей такая свобода применения понятия может вызвать эйфорию, у других — ужас. Но так или иначе в отсутствие четких маркеров применимости понятия к эмпирически наблюдаемым сущностям повышается значимость решений, принимаемых исследователями, оперирующими “ассамбляжем”. Почему понятие ассамбляжа применяется именно к рыбалке? Авторы не только никак не аргументируют свое решение, но даже и не проговаривают применение “ассамбляжа” к рыбалке как решение. При этом сам М. Деланда переописывает с помощью “ассамбляжа” вполне понятные социальным ученым сущности: взаимодействие лицом к лицу, социальные сети, иерархические организации. Почему тогда в фокусе статьи не оказываются рынок неформально выловленной рыбы (тем более что у Деланды рынок фигурирует в качестве рекуррентного примера) или социальные сети, собранные вокруг неформального лова горбуши и семги? Возможно, авторы дадут ответ на этот вопрос. Я же позволю себе предположить, что мы имеем дело с одной из двух ситуаций. Либо дизайн эмпирического исследования разрабатывался в отрыве от ТА, понятия которой были наложены на собранный полевой материал задним числом. В таком случае предложение реорганизовать описание вокруг интеракций, сетей и организаций, как у М. Деланды, на деле подразумевает возвращение в поле, потому что имеющийся набор данных не позволяет этого. (Хотя, на мой взгляд, в тексте есть признаки всех этих типов ассамбляжей, и авторы могли бы структурировать свое описание вокруг них.) Либо мы имеем дело с проблемами аналитического чтения текстов М. Деланды и последующим

переходом от результатов этого чтения к концепто-ориентированной организации исследования. Ниже я проанализирую эти трудности.

“Отношения экстерииорности” — еще одно пустое понятие. Выше мы видели, что понятие ассамбляжа в статье не работает отчасти из-за того, как авторы с ним обращаются: они не используют различие, в которое оно входит и которое наделяет его смыслом. Эта ситуация повторяется в случае другого ключевого понятия — “отношения экстерииорности”. Как мы уже знаем, ТА оспаривает саму идею интерииорности и противопоставляет ей отношения экстерииорности, конституирующие ассамбляжи. Смысл отношений экстерииорности артикулируется посредством различения свойств и способностей сущностей (Деланда 2018: 19). Авторы эпизодически употребляют слова “свойство” и “способность”, но не оперируют самим различием, в результате чего значение “отношений экстерииорности”, ключевой черты “ассамбляжей”, остается непроясненным.

Фрагментация теории: вместо трех измерений ассамбляжей лишь одно. Выше мы видели, как авторы упускают возможность сконструировать в своей работе теоретически значимое напряжение между практиками и ассамбляжами, потому что не готовы в полной мере следовать за ТА в своем исследовании. Подобная “нехватка смелости” обнаруживается и в том, как они обращаются с ключевыми аналитическими измерениями ассамбляжей у М. Деланды. В дополнение к отношениям экстерииорности М. Деланда предлагает описывать ассамбляжи в трех измерениях: 1) ось материальных и экспрессивных ролей, которые могут исполнять части ассамбляжей; 2) ось процессов территориализации и детерриторизации; 3) ось процессов кодирования и декодирования. Разложение ассамбляжа на части и приписывание им ролей составляет аналитическую часть ТА. Синтетическую часть ТА составляет анализ по двум оставшимся осям (Деланда 2018: 23).

Что со всем этим делают авторы? Хотя они констатируют, что “ассамбляж в трактовке М. Деланды имеет три оси”, за этим не следует последовательной экспозиции каждой из них. Внимание акцентируется только на первой оси, а оставшиеся две игнорируются. Да, авторы оговаривают, что “нет необходимости заниматься всеми элементами ассамбляжа (так зачастую поступает и сам Деланда)”. Но эту оговорку следовало бы сопроводить аргументом в пользу того, что такая фрагментация ТА не лишает ее смысла. Фокусируясь лишь на ролях, которые горбуша и семга играют в ассамбляже, авторы ограничиваются аналитической стороной ТА, оставляя без внимания синтетические процессы. Однако при этом в статье они почему-то продолжают использовать терминологию синтеза, которая лишена смысла без анализа (де)территоризации и (де)кодирования.

На мой взгляд, такая фрагментация ТА пагубна в двух отношениях. Во-первых, она делает ТА бесплодной. М. Деланда подчеркивает, что анализ ассамбляжей — это лишь подготовка к пониманию эмерджентности, т.е. процессов синтеза целого из частей, чего нельзя сделать без изучения (де)территоризации и (де)кодирования. Во-вторых, дефрагментация не позволяет авторам в полной мере следовать за ТА и, следовательно, не позволяет осмысленно интерпретировать имеющиеся данные в русле выбранного подхода.

Что, например, представляет собой анализ по оси “территоризация—детерриторизация”? Территоризация — процесс стабилизации идентичности ассамбляжа, подразумевающий увеличение степени его внутренней гомогенности и усиление четкости его границ. Детерриторизация — процесс дестабилизации, изменения, трансформации ассамбляжа, подразумевающий увеличение его гетерогенности

и размытости его границ. Анализ территоризации позволяет понять, как целое синтезируется из частей и сохраняет свою идентичность (Деланда 2018: 21). Нетрудно увидеть, что приведенные в работе сюжеты о рыболовных участках и о приездах, о делении на браконьеров и небраконьеров, на своих и чужих могут быть описаны в терминах (де)территоризации. Но авторы упускают эту возможность.

Третья ось описывает (де)кодирование — синтетические процессы второго порядка, дополняющие (де)территоризацию. Кодирование консолидирует и ригидизирует идентичность ассамбляжа посредством двух специализированных экспрессивных медиа — генов и знаков. Декодирование, в свою очередь, делает ассамбляжи гибче. В обществе кодирование соответствует процессу формализации и ужесточению правил, а декодирование — неформализации, когда у индивидов остается больше пространства для выражения своих убеждений и личных особенностей (Там же: 23–26). Удивительно, что авторы игнорируют измерение ТА, имеющее прямое отношение к проблематике неформальной экономики. Кодирование сопряжено с нарративами легитимации и образованием формальных правил, т.е. с образованием иерархических формальных организаций и их нормативностью, а декодирование — с ослаблением правил, неформальностью и нормативностью межличностного общения. Значимое для данного исследования различие формальное—неформальное, а вместе с ним и различные нарративы властей, прессы, информантов и других акторов можно было переописать в терминах (де)кодирования.

Разумеется, (пере)описание данных в терминах ТА — это не самоцель, а лишь первый шаг, за которым должна следовать проверка полученных выводов с точки зрения их продуктивности для понимания самого объекта исследования. Но авторы, увы, не делают и первого шага.

Нехватка дисциплины в применении понятий: материальные и экспрессивные роли.

Если отвлечься от “одномеризации” ТА и сосредоточиться на том, как авторы обращаются с осью ролей, то можно обнаружить и уже встречавшиеся, и новые сложности. Использование в работе самого различия материальное—экспрессивное оказывается проблематичным. Во-первых, авторам не достает дисциплины в обращении с понятиями. Они говорят не о материальных—экспрессивных ролях частей ассамбляжа (как у Деланды), а о материальности и экспрессивности вообще. Это создает ошибочные коннотации. Например, фраза “наше внимание сосредоточено на *материальных сущностях*, обладающих способностью изменять ассамбляж (курсив мой. — А.К.)” создает впечатление, будто бы материальное противопоставляется нематериальному, символическому. И авторы действительно подразумевают оппозицию материальное—нематериальное (символическое): “и семга, и горбуша обладают собственными *нематериальными* и *символическими* ресурсами (курсив мой. — А.К.)”. Таким образом, они подменяют различие между материальной и экспрессивной ролями оппозицией материальное—символическое, которой в ТА нет.

Во-вторых, эта ось оказывается очень трудной в эмпирической работе. В частности, не ясно, по какому критерию материальные и экспрессивные роли элементов различаются между собой. Проблема идет от самого М. Деланды, который очень аморфно определяет эти понятия. Например, перечисляя материальные компоненты ассамбляжей, он упоминает тела, физический труд, продукты питания, простые орудия, сложные машины, здания и районы, в которых здания физически расположены. Допустим, что эти элементы материальны и что они могут быть компонентами ассамбляжей, но какой признак конституирует их материальную роль — неясно. По М. Деланде, одна и та же часть ассамбляжа может играть

либо чисто материальную роль, либо чисто экспрессивную, либо смешивать две роли, “используя разные наборы способностей” (Деланда 2018: 21). Тогда получается, что все эти элементы могут также выражать идентичности, социальные отношения, солидарность и т.п. Само указание на эти элементы не говорит ничего об их материальной роли. У М. Деланды есть ремарки, позволяющие косвенно определить, что играть материальную роль — значит играть роль физического субстрата, носителя, строительного материала (Там же: 24–25, 32–33). Экспрессивная роль, в свою очередь, связана с лингвистическими феноменами и “внеязыковыми выражениями солидарности, легитимности или престижа” (Там же: 33).

С одной стороны, это наделяет понятия материальной и экспрессивной ролей содержанием, но неясно, как от этого перейти к эмпирически значимым маркерам для разграничения этих ролей. Поэтому из статьи невозможно понять, на каком основании горбуше приписывается исключительно материальная роль, а семга “занимает *промежуточную позицию между материальным и экспрессивным* (курсив мой. — А.К.)”? Как невозможно понять, почему авторы считают, что горбуша не играет экспрессивной роли, хотя утверждают, что: “и семга, и горбуша обладают собственными нематериальными и символическими ресурсами”; “горбуша аналогично семге символически связывает ассамбляж... Или нужно говорить о формировании нового ассамбляжа...”; “дар горбуши отчасти смыкается с потлачем, подчеркивая социальный капитал рыбака”.

Но, с другой стороны, проведенная выше экспликация понятий показывает, что различие между материальными и экспрессивными ролями до боли похоже на классическое различие Э. Дюркгеймом субстрата коллективной жизни (т.е. индивидов как биологических и психологических существ, распределения населения по территории, а также материальных вещей — транспорта и коммуникаций, форм жилищ и т.д.) и собственно общества (т.е. способов действия, чувствования и мышления), сконструированного отношениями солидарности (Дюркгейм 1995: 37–39). Социальные факты, составляющие субстрат, Э. Дюркгейм называет анатомическими — их изучает социальная морфология, а социальные факты, связанные с солидарностью, престижем, языковыми явлениями, изучает социальная физиология. Все это вызывает подозрение, что ТА не настолько нова, как можно было подумать.

Что подсвечивают вышеозначенные проблемы?

1. Авторы выбрали для импорта в антропологию трудный теоретический ресурс, который слабо направляет эмпирическое исследование и требует большой дополнительной концептуальной работы.
2. Авторы испытывают трудности с анализом и реконструкцией концептуальной структуры ТА, в результате чего страдает интерпретация имеющегося в их распоряжении богатого эмпирического материала.
3. Авторы пытаются решить две вышеозначенные проблемы рядом собственных *ad hoc* дополнений к ТА, которые вводятся в текст без надлежащей аргументации и только вредят ему. Рассмотрим их ниже.

Ad hoc дополнения к теории ассамбляжей. Выше мы видели, как авторы подменили различие между материальной и экспрессивной ролями оппозицией материальное—символическое, которой в ТА нет. Кроме того, испытывая трудности в работе с осью ролей, авторы, например, пытаются редуцировать материальную роль к утилитарности. Но они делают это мимоходом, без должного обоснования, которое необходимо, учитывая, что М. Деланда не прибегает к аргументу

о материальной роли как полезности. Нетрудно увидеть, что в результате такого решения авторов статьи возникает проблема: экспрессивная роль теперь должна пониматься как неутилитарная. Тогда нужно будет обосновать, где провести границу между утилитарным и неутилитарным.

Но самое поразительное, что авторы, игнорируя две из трех аналитических осей ТА, придумывают свою и приписывают ее М. Деланде. В аннотации читаем: «Горизонтальная онтология М. Деланды дает возможность авторам рассматривать разноуровневые компоненты рыбалки в двух взаимозависимых осях: 1) “материальное—экспрессивное”; 2) “синтетическое—вариативное”». К сожалению, авторы здесь совершают категориальную ошибку. У М. Деланды термины “вариативное” и “синтетическое” не образуют ось и даже не составляют аналитического различия. В примечании 12, однако, делается оговорка: «Ось “синтетическое—вариативное” четко *не эксплицирована Деландой*, но выстраивается самой его логикой анализа ассамбляжа, необходимостью его “стабилизации”. Она является, например, в употреблении синонимов и близких по смыслу терминов. Так, упоминается о вариативных ролях или синтетических процессах» (курсив мой. — А.К.). В этом примечании проблематично и то, что мнимая пара синтетическое—вариативное называется “осью” (это не так у Деланды), и то, что авторы оперируют этой парой без самостоятельной ее экспликации, хотя она “четко не эксплицирована М. Деландой”. Это крайне сомнительная практика чтения теоретических работ, потому что таким образом автору можно вменить что угодно. Зачем вообще тогда утруждать себя чтением работ М. Деланды или кого-либо еще?

При внимательном же чтении можно заметить, что слово “вариативный” используется М. Деландой применительно как к ролям элементов, так и к процессам (Деланда 2018: 21). Оно означает лишь то, что один и тот же элемент может играть разные роли (материальную—экспрессивную) и участвовать в разных процессах (территоризации—детерриторизации). Слово “синтетический” предсказуемо образует различие со словом “аналитический”. По оси ролей производится анализ ассамбляжей, а по оси процессов описывается синтез целого из частей. Так что слова “вариативный” (одинаково применяющееся к ролям и процессам, а не только к ролям, как пишут авторы) и “синтетический” (в противопоставлении анализу ассамбляжей в терминах ролей их компонентов) не образуют аналитическую пару, а являются отдельными и разными по смыслу понятиями. Ошибочно называть их осью и строить вокруг них анализ, чего М. Деланда и не делает. Поэтому следующие важные пассажи авторов оказываются крайне проблематичными (а по сути бессмысленными) с точки зрения ТА: “в данной статье нас будут интересовать два концепта теории Деланды — материальное и экспрессивное”; “способно ли материальное (с сильным количественным весом), выполняющее вариативную роль в ассамбляже, быть также и синтезирующим элементом”; «ось “материальное—экспрессивное” и компоненты, способствующие синтезу/стабилизации (или вариативности — от изменчивости до трансформации...) задают сетку различий и план дальнейшего изложения».

* * *

Авторы работы поставили перед собой сложную задачу импорта ТА М. Деланды в эмпирические антропологические исследования. Сложность состояла в том, что: 1) необходимо было реконструировать смысловую структуру ТА; 2) решить

проблему “последней мили” в переходе от многообещающей теории-на-бумаге к исследованию-в-действии. Первая задача подразумевает владение навыками аналитического чтения трудных теоретических текстов и аккуратной работы с понятиями. Выше мы увидели, с какими затруднениями столкнулись авторы. Но прежде чем возлагать всю вину на авторов, нам следует зафиксировать *двойной парадокс социогуманитарного образования* в России. Во-первых, чтение — ключевая компетенция социальных и гуманитарных исследователей, но техникам чтения обучают редко. Как результат — наиважнейший профессиональный навык осваивается исследователями по наитию и без надлежащего методического и концептуального сопровождения. Во-вторых, по умолчанию ожидается, что социальные и гуманитарные исследователи будут “работать с” подходами, теориями, концепциями, идеями — как-то “применять”, “использовать” их. Но что стоит за этими “работой”, “использованием”, “применением”? Если извлечению, “майнингу” социальных данных учат, то “майнингу” теории и обращению с ней, как правило, нет. Решение этих проблем — коллективное предприятие. К слову, автор этой заметки уже сделал первые шаги в этом направлении¹.

Решать вторую задачу нужно даже в случае методологически хорошо проработанных теорий. Но в случае ТА мы имеем дело с проблемой “нескольких последних миль”, поскольку эта теория не выросла из эмпирических исследований, как, например, антропология Модерна Б. Латура, а передается М. Деландой социальным ученым в виде онтологического скетча, который требуется сильно переработать, чтобы он стал рабочим планом исследования. А для этого нужны не только дисциплина аналитической работы, но и принятие многих рискованных и в то же время творческих решений. Риск состоит в том, что сначала необходимо довериться рамке ТА, идти за ней до конца наперекор устоявшимся способам описания, попутно отбрасывая часть собственного аналитического словаря, не согласующегося с ней. Но риск состоит и в том, что, в конце концов, исследование, идущее по линии ТА, может не удастся, результаты не будут достаточно интересными. Здесь нужна смелость признать это. И при всем при этом нужно принимать решения не менее творческие, чем у М. Деланды, но с меньшими ожидаемыми символическими дивидендами, чем уже получил он.

Увы, но из всех необходимых рисков авторы пошли лишь на то, чтобы связать свое полевое исследование с ТА. И мы пока не знаем, получили бы они интересные результаты, если бы решили вышеозначенные задачи. Но в текущем виде неудача в решении первой задачи приводит к стерилизованной и отчасти пустой версии ТА, не способной образовать смысловую сетку, подходящую для рыбалки. А неудача в решении второй задачи приводит не к обогащению, а к обеднению данных с помощью ТА. Онтология М. Деланды “съедает” горбушу и семгу, оставляя нам кости, которые, возможно, даже не образуют скелет антропологического описания.

До сих пор я рассуждал так, как если бы опора на ТА была необходимой, поскольку эта рамка была задана решением авторов статьи работать с этим подходом. Но вы могли заметить, что вместе с критикой авторов за то, что они недостаточно последовательно (даже догматически) идут за ТА, я высказал серьезные сомнения в новизне и продуктивности онтологии М. Деланды. На мой взгляд, ТА заслуживает куда большего скептицизма. Не потому, что это философия, которая в принципе не может ничего дать антропологии, а в силу содержания этой теории. Реализм ТА не нов и нелеп. Предлагаемая в этом подходе критика органицизма в социальной теории даже близко не попадает в цель. Онтология Деланды

не отказывается от Великого Разлома природы и культуры, а воспроизводит его, равно как ей и не удастся решить проблему микро-/макро-. При этом ТА игнорирует большую часть релевантных дискуссий и решений в антропологии и исследованиях наук и технологий. Действительно, плоскую онтологию М. Деланды не следует ставить на одну плоскость с подходами Б. Латура, А. Мол и А. Цзин. Но чтобы аргументировать эти тезисы, потребуется совсем другой текст.

Примечание

¹ В частности, я разработал курс “Аналитическое чтение для социальных и гуманитарных исследователей” (<https://yerevancenter.org/ru/event/analytical-reading>), а также методику аналитического чтения и онлайн-инструмент “Виатекст” (<https://viatext.online>).

ФИГУРЫ И ФОН, ИЛИ О ЛОГИКЕ РОСТА РЕЦЕНЗИЙ

К.Я. Коткин, А.М. Сергеев, В.М. Воронов, В.В. Симонова

Различие взглядов участников дискуссии и авторского коллектива может быть проиллюстрировано образами утки-кролика у Л. Витгенштейна или сов Твин Пикса. Речь идет о восприятии как самого нашего текста, так и теории ассамбляжа М. Деланды, которая была использована нами. Мы надеемся, что ответ на замечания рецензентов позволит читателю осмыслить статью как полноценное исследование (т.е. как условного “кролика”).

Благодарим журнал и уважаемую редакцию за возможность публикации статьи и ответа на реплики участников дискуссии. Также хотим отдельно поблагодарить М.Ф. Кучерову за скрупулезную и тщательную работу по редактированию статьи.

Стоит согласиться с недостаточной экспликацией теоретической логики, что, впрочем, объясняется пограничным жанром статьи, использующей как определенную теоретическую рамку, так и эмпирический материал. Заметим, что в процессе доработки по замечаниям рецензентов статья уже серьезно “потяжелела”, и дальнейшее развертывание привело бы к превращению ее в монографическое исследование.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет сравнение реплик участников дискуссии и текста статьи с точки зрения анализа проблем логики изложения и противоречий. Но, фактически, это затрагивает проблему рецензирования как ключевого элемента научных публикаций и научной дискуссии. Благодарим журнал не только за “фальсификационизм” через критику со стороны рецензентов, но и за возможность “интерсубъективной проверки” итогового текста читателями. В то же время приходится оставить в стороне отдельные упреки, прозвучавшие в репликах, так как авторы ограничены объемом публикации.

Следует выделить несколько, на взгляд уважаемых участников дискуссии, принципиальных замечаний, которые нам представляются несостоятельными. В частности, в реплике Н.С. Гончарова — это ремарка о том, что авторов интересует субъективная реальность. На нее можно было бы ответить, что данный тезис легко приписать любому полевому и социальному исследованию. Главное, что актуальное для Н.С. Гончарова различие — субъективная и объективная реальности — нерелевантно как для нашей статьи, так и для теоретической

рамки М. Деланды. Также стоит выделить комментарий А.Г. Кузнецова о смешении в статье понятий “практика” и “ассамбляж”. Дело в том, что у М. Деланды (Деланда 2018: 83), как и в нашей статье, понятие “практика” не несет теоретической нагрузки, например, в случае использования понятия “неформальные практики”, которое, вероятно, и смутило А.Г. Кузнецова.

Авторский коллектив также хотел ответить С.В. Соколовскому на утверждение об отсутствии в статье связи между концептами М. Деланды “территориализация” (используется в статье), “стабилизация” и “идентичность” (не используются в статье). Мы опираемся на тезис М. Деланды, в котором прямо указано: территориализацию следует понимать буквально, как определенное место (Деланда 2018: 22)¹. В данных примерах участники дискуссии демонстрируют недопонимание текста статьи: приписывание методологически неактуального различия (Н.С. Гончаров), теоретическое подозрение (А.Г. Кузнецов) и нормативистский догматизм (С.В. Соколовский).

Следует заметить также, что позиции уважаемых участников дискуссии в отношении теории М. Деланды не совпадают и между собой. Авторам статьи было интересно познакомиться с экспликацией различных логик прочтения такого теоретического ресурса, как вклад М. Деланды. Однако, думается, что даже полное принятие авторами позиции одного из участников обсуждения не привело бы к положительной реакции остальных. В итоге теоретическая и текстологическая дискуссия длилась бы бесконечно.

Вместо того, чтобы отвечать на все высказанные замечания, остановимся на четырех наиболее значимых вопросах: что понимается в статье под ассамбляжем? для чего необходимо применять ассамбляж? что он позволяет увидеть? почему необходимо достраивать схему ассамбляжа осью “вариативное—синтетическое”? Эти вопросы, на наш взгляд, являются ключевыми как для ответа уважаемым участникам дискуссии, так и для прояснения нашей методологической позиции.

Как известно, ассамбляж в концепции М. Деланды характеризуется следующими признаками: экстериорность (в контексте статьи — появление горбуши на Кольском полуострове), эмерджентность и нелинейность (сложные нелинейные взаимодействия людей с семгой и горбушей), рекуррентность (воспроизводимость и повторяемость процессов Северной рыбалки) и контингентность. Наш выбор “ассамбляжа”, по сравнению с другими вариантами адаптации плоских онтологий к социальной теории, был связан, в частности, с контингентностью. Она предполагает необязательность и случайность, что, на наш взгляд, проявляется в социальном измерении в том числе и как внезапность, незапланированность, скоротечность. Внезапное сочетание элементов ассамбляжа ярко просматривается в полевых материалах с Терского берега, касающихся рекордной путины горбуши 2021 г.: люди срочно меняли планы и даты отпусков; в магазинах г. Кандалакши (наиболее крупного населенного центра) заканчивались морозильные камеры; в кратчайшее время выстраивались новые цепочки продажи и поставки икры и рыбы в другие регионы России.

Эвристическое значение ассамбляжа, в связи с выделением авторами такого элемента, как ось “материальное—экспрессивное”, проявляется и в объяснении сравнительной значимости “семги” и “горбуши”. На наш взгляд, нам удалось углубить понимание данного факта, а не просто воспроизвести более сложным языком описательную модель, приведенную одним из участников дискуссии: “семга” — редкая, дорогая рыба, связанная с историческими традициями лова, поэтому она ценится; “горбуша” — “пришелец”, она дешевле, к тому же ее много.

Безусловно, и та и другая рыба обладают материальными параметрами. Но в 2021 г. горбуши было не просто много, ее было неожиданно и экстремально много. На наш взгляд, именно такая экстремальная материальность горбуши привела к тому, что она, хотя и стала средством разового обогащения или как минимум хорошим дополнением к рациону многих местных жителей и приезжих рыбаков, практически утратила свойства экспрессивности. В то же время семга постоянно, так сказать, теряя материальность (уменьшаясь количественно), все больше “стягивала на себя” экспрессивный полюс этой оси. Перед нами нелинейная зависимость восприятия людьми рыбы как объекта лова.

Ось “синтез—вариативность” позволяет анализировать вопрос единства/множественности ассамбляжа. Мы не будем пересказывать анализ схемы ассамбляжа М. Деланды. В целом она передана А.Г. Кузнецовым. Вместе с тем авторы не согласны с уважаемым участником дискуссии в том, что существует единственное прочтение текста М. Деланды через различение ассамбляж—тотальность. На наш взгляд, в рамках такой оптики игнорируется, пусть и не аксиоматическое, но важное для М. Деланды различение часть—целое и соотношение с ним понятия “ассамбляж”. Часть—целое никак не дублирует различения, выделенного А.Г. Кузнецовым, ввиду неполной тождественности полей эпистемологии и онтологии.

У различения синтетического и вариативного, как оси оппозиций, присутствует эвристический потенциал, заключающийся в анализе тематики части и целого, проходящей через всю теорию М. Деланды (гомогенное—гетерогенное, постоянное—переменное, свойства—процессы, интериорное—экстериорное, стабилизация—дестабилизация). Действительно, ось “вариативное—синтетическое” четко не выделена, и контексты, в которых используются эти понятия, отсылают к различным блокам концепции М. Деланды. Однако это можно сказать о любых перечисленных выше оппозициях, особенно если поставить себе именно эту задачу и забыть о контингентности и нелинейности ассамбляжа.

И все же остается недосказанным, почему при различении ролей и процессов (проводимом М. Деландой) становится возможным интерпретировать вариативность на одной оси с синтетическим. Объяснение кроется в уточнении понимания М. Деландой вариативного как переменной (*variables*), соотносящейся с материальными и экспрессивными компонентами ассамбляжа (*DeLanda* 2016: 55–67). Но теоретик упоминает и о вариативности значений, когда говорит о декодировании (*Деланда* 2018: 25). Таким образом, вариативное “работает” у М. Деланды на двух осях и в двух смыслах, то же можно сказать о синтетическом. Это относится и к оси “территориализация—детерриториализация”, и к оси “кодирование—декодирование” в отношении к ролям и процессам (Там же: 23).

Следует заметить, что с течением времени вариативные роли или процессы (2006 г.) у М. Деланды сменяются на переменные (*variables*) (2016 г.). Иначе говоря, его акцент все больше смещается на вариативность (изменяемость, “переменность”), что и выделено в данной статье. Тема полюсов вариативного как гетерогенного (*DeLanda* 2016: 55) и синтетического как связанного, в частности с идентичностью, является одной из ключевых. И это позволяет рассматривать “вариативное—синтетическое” как ось, дополняя теорию имплицитным смысловым различением.

По мнению участников дискуссии, аргумент, обозначенный в статье, можно было выразить проще, не обращаясь к теории М. Деланды. Да, конечно, все можно выразить просто, но, как предупреждает нас старая поговорка: “просто, просто, но не проще”. Сама логика традиций или дюркгеймианской

механической/органической солидарности плохо согласуется с нелинейностью рыбалки на Кольском полуострове.

Авторский коллектив надеется на интерес читателей к статье и данной дискуссии, где полевые исследования выступили, к сожалению, лишь фоном.

Примечание

¹ В данном случае мы не указываем, в отличие от рецензентов, на единственное прочтение текста в целом и данного понятия в частности, но только говорим, что оно имеется, наряду с другими вариантами.

Научная литература

Бакиштанский Э.Л. Скот молоди горбуши и кеты и причины его задержки в реках Кольского полуострова // Труды ВНИИ морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). 1970. Т. LXXIV. С. 129–143.

Беннет Д. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. Пермь: HylePress, 2018.

Гончаров Н.С. Контексты использования пищевых нарративов на р. Индигирке // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 195–217.

Горелов В.К. Некоторые теоретические и практические аспекты акклиматизации водных организмов // Виды-вселенцы в европейских морях России / Ред. Г.Г. Матишов. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2000. С. 23–34.

Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / Пер. К.С. Майорова; ред. Д. Вяткин, А. Морозов, Я. Цырлина. Пермь: Гиле Пресс, 2018.

Дюркгейм Э. Метод социологии // *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 5–165.

Зубченко А.В. и др. Новые данные о биологии и численности горбуши *Oncorhynchus gorbuscha* (Walbaum) в водоемах Кольского п-ова // Водные биологические ресурсы России: состояние, мониторинг, управление. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию Камчатского филиала Всероссийского НИИ рыбного хозяйства и океанографии (4–6 апреля 2022 г., Петропавловск-Камчатский). Петропавловск-Камчатский: КамчатНИРО, 2022. С. 21–26.

Красавин И.В. Устройство сборки, или Симуляция онтологии у Мануэля Деланда // Социология власти. 2019. Т. 31. № 2. С. 136–154.

Лоенко А.А. и др. Горбуша в реках Кольского полуострова // Виды-вселенцы в европейских морях России / Ред. Г.Г. Матишов. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2000. С. 258–269.

Матишов Г.Г. Некоторые проблемы морской биологии в связи с вселением новых видов // Виды-вселенцы в европейских морях России / Ред. Г.Г. Матишов. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2000. С. 7–12.

Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 1–34.

Цзин А.Л. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Шевченко В. Что не так с теорией ассамбляжей? // Логос. 2020. Т. 30. № 5. С. 131–164.

- DeLanda M.* Intensive Science and Virtual Philosophy. N.Y.: Continuum, 2002.
- DeLanda M.* A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006.
- DeLanda M.* Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.
- Deleuze G., Guattari F.* What is Philosophy? N.Y.: Columbia University Press, 1994.
- Ingold T.* Imagining for Real: Essays on Creation, Attention and Correspondence. Abingdon: Routledge, 2022.
- Meillassoux Q.* Après la Finitude. Essai sur la Nécessité de la Contingence. P.: Seuil, 2006.
- Shaviri S.* DeLanda, A New Philosophy of Society // The Pinocchio Theory. 15.01.2007. <http://www.shaviri.com/Blog/?p=541>
- Yates-Doerr E.* Does Meat Come from Animals? A Multispecies Approach to Classification and Belonging in Highland Guatemala // American Ethnologist. 2015. No. 42 (2). P. 309–323.

Research Article

Sokolovskiy, S.V., N.S. Goncharov, A.G. Kuznetsov, K.Y. Kotkin, A.M. Sergeev, V.M. Voronov, and V.V. Simonova. Northern Fishing and Manuel DeLanda's Flat Ontology [Северная рыбалка и плоская онтология Мануэля Деланды]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 6, pp. 177–199. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060092> EDN: VTDL SO ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Nikolai Goncharov | <https://orcid.org/0000-0003-0755-4877> | nikola.gon4arov@yandex.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Andrei Kuznetsov | <http://orcid.org/0000-0002-0249-5890> | andrey.kuznetsov.29@gmail.com | Yerevan Center for International Education (YCIE) (31/4 Charents Str., Yerevan, 0003, Armenia) | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Str., St. Petersburg, 191187, Russia)

Konstantin Kotkin | <https://orcid.org/0000-0002-3281-3036> | kostyakotkin@rambler.ru | Murmansk Arctic University (15 Kapitana Yegorova Str., Murmansk, 183038, Russia) | Murmansk Regional Museum (1A Akademika Pavlova St., Murmansk, 183038, Russia) | Centre of Arctic and Siberian Exploration of the Sociological Institute Russian Academy of Sciences – A Branch of Federal Center for Theoretical and Applied Sociology (25/14 7-Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg, 190005, Russia)

Andrey Sergeev | <https://orcid.org/0000-0002-1553-4238> | asergeev8@yandex.ru | Murmansk Arctic University (15 Kapitana Yegorova Str., Murmansk, 183038, Russia) | St. Petersburg State University (7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Vasiliy Voronov | <https://orcid.org/0000-0002-3109-3655> | voronov.mspu@rambler.ru | Murmansk Arctic University (15 Kapitana Yegorova St., Murmansk, 183038, Russia)

Veronika Simonova | <https://orcid.org/0000-0003-1167-7589> | v.simonova@socinst.ru | Murmansk Arctic University (15 Kapitana Yegorova Str., Murmansk, 183038, Russia) | Sociological Institute Russian Academy of Sciences – A Branch of Federal Center for Theoretical and Applied Sociology (25/14 7-Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, 190005, Russia) | Academy of Sciences, the Republic of Sakha (Yakutia) (33 Lenina Av., Yakutsk, 677007, Russia) | National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg (16 Soyuza Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190121, Russia)

Keywords

informal fishing, Murmansk region, assemblage, M. DeLanda, solidarity, norms, pink salmon, hump-back salmon, Atlantic salmon, salmon

Abstract

This publication presents a discussion of the article “Elements of Assemblage in Northern Informal Fisheries: Solidarity, Norms, Pink Salmon, Atlantic Salmon”, in which the authors (K.Y. Kotkin, A.M. Sergeev, V.M. Voronov, and V.V. Simonova) approach informal fisheries in the Murmansk region, employing Manuel DeLanda’s concept of horizontal ontology as an alternative to the traditional vertical structures that advocate a hierarchical understanding of the world and the exclusivity of humans. The authors argue that DeLanda’s horizontal ontology allows considering different-level components of fishing in two interdependent axes (“material – expressive” and “synthetic – variable”), and that the analysis of these axes lets us analyze the problem of the lack of positive attitude of local population toward the abundance of pink salmon, which is one of the most significant material components of the assemblage of informal fisheries in the Murmansk region. The discussion includes critical contributions: “Academic Fashion as a Conceptual Bricolage” (S.V. Sokolovskiy), “On Fish and Assemblages in the Murmansk Region” (N.S. Goncharov), and “DeLanda ‘Eats’ Salmon: The Kidnapping of Anthropology by a Supposedly ‘New’ Social Ontology” (A.G. Kuznetsov), as well as the response of the authors of the original article (“Figures and Background, or on the Logic of the Growth of Reviews”).

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-28-20435] (recipients K.Y. Kotkin, A.M. Sergeev, V.M. Voronov, and V.V. Simonova)

References

- Bakshantkii, E.L. 1970. Skat molodi gorbushi i kety i prichiny ego zaderzhki v rekakh Kol'skogo poluostrova [The Migration of Juvenile Pink Salmon and Chum Salmon and the Reasons for Its Delay in the Rivers of the Kola Peninsula]. *Trudy VNI morskogo rybnogo khoziaistva i okeanografii* LXXIV: 129–143.
- Bennet, J. 2018. *Pulsiruiushchaia materia. Politicheskaiia ekologiya veshchei* [Vibrant Matter: A Political Ecology of Things]. Perm': HylePress.
- DeLanda, M. 2002. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. New York: Continuum.
- DeLanda, M. 2006. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Bloomsbury.
- DeLanda, M. 2016. *Assemblage Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- DeLanda, M. 2018. *Novaia filosofia obshchestva: teoria assambliazhei i sotsialnaia slozhnost'* [A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity], translated by K.S. Maiorova; edited by D. Viatkin, A. Morozov, and Y. Tsyrlina. Perm': HylePress.
- Deleuze, G., and F. Guattari. 1994. *What is Philosophy?* New York: Columbia University Press.
- Durkheim, E. 1995. Metod sotsiologii [The Method of Sociology]. In *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology: Its Subject, Method, Purpose], by E. Durkheim, 5–165. Moscow: Kanon.
- Goncharov, N.S. 2020. Konteksty ispol'zovaniia pishchevykh narrativov na r. Indigirke [Contexts of Using Food Narratives on Indigirka River]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 3: 195–217.
- Gorelov, V.K. 2000. Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty akklimatizatsii vodnykh organizmov [Some Theoretical and Practical Aspects of Acclimatization of Aquatic Organisms]. In *Vidy-vseleitsy v evropeiskikh moriakh Rossii* [Invasive

- Species in the European Seas of Russia], edited by G.G. Matishov, 23–34. Apatity: KNTs RAN.
- Harman, G. 2017. Seti i assambliazhi: vozrozhdenie veshchei u Latura i Delanda [Networks and Assemblages: The Rebirth of Things in Latour and Delanda]. *Logos* 3 (27): 1–34.
- Ingold, T. 2022. *Imagining for Real: Essays on Creation, Attention and Correspondence*. Abingdon: Routledge.
- Krasavin, I.V. 2019. Ustroistvo sborki, ili Simuliatsia ontologii u Manuela Delanda [Assemblage Arrangement, or Manuel DeLanda's Simulation of Ontology]. *Sotsiologia vlasti* 2 (31): 136–154.
- Loenko, A.A., et al. 2000. Gorbusha v rekah Kol'skogo poluostrova [Pink Salmon in the Rivers of the Kola Peninsula]. In *Vidy-vselentsy v evropeiskikh moriakh Rossii* [Invasive Species in the European Seas of Russia], edited by G.G. Matishov, 258–269. Apatity: KNTs RAN.
- Matishov, G.G. 2000. Nekotoryye problemy morskoi biologii v sviazi s vseleniem novykh vidov [Some Problems of Marine Biology in Relation to the Introduction of New Species]. In *Vidy-vselentsy v evropeiskikh moriakh Rossii* [Invasive Species in the European Seas of Russia], edited by G.G. Matishov, 7–12. Apatity: KNTs RAN.
- Meillassoux, Q. 2006. *Après la Finitude. Essai sur la Nécessité de la Contingence* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Paris: Seuil.
- Shaviro, S. 2007. DeLanda, A New Philosophy of Society. In *The Pinocchio Theory*. 15.01.2007. <http://www.shaviro.com/Blog/?p=541>
- Shevchenko, V. 2020. Chto ne tak s teoriei assambliazhei? [What's Wrong with Assemblage Theory?]. *Logos* 5 (30): 131–164.
- Tsing, A.L. 2017. *Grib na kraiu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinaх kapitalizma* [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Yates-Doerr, E. 2015. Does Meat Come from Animals? A Multispecies Approach to Classification and Belonging in Highland Guatemala. *American Ethnologist* 2 (42): 309–323.
- Zubchenko, A.V., et al. 2022. Novye dannye o biologii i chislennosti gorbushi *Oncorhynchus gorbuscha* (Walbaum) v vodoiomakh Kol'skogo poluostrova [New Data on the Biology and numbers of Pink Salmon *Oncorhynchus gorbuscha* (Walbaum) in Rivers of the Kola Peninsula]. In *Vodnye biologicheskie resursy Rossii: sostoianie, monitoring, upravlenie. Sbornik materialov II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu Kamchatskogo filiala Vserossiiskogo NII rybnogo khoziaistva i okeanografii (4–6 apreliia 2022 g., Petropavlovsk-Kamchatskii)* [Aquatic Biological Resources of Russia: Status, Monitoring, Management], 21–26. Petropavlovsk-Kamchatskii: KamchatNIRO.